

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

Сравнительная политология и методология политических исследований: кандидатский экзамен — пробный вопрос

Один полный разбор из перечня вашего экзамена — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 50 вопросов перечня кафедры сравнительной политологии для испытания «кандидатский экзамен по специальной дисциплине».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии», кафедра сравнительной политологии

ПРОГРАММА

кандидатский экзамен по специальной дисциплине
Демо-пособие · 2026

Независимое издание. Подготовлено «Exambooster» самостоятельно, не является официальным изданием МГИМО МИД России, не одобрено и не согласовано университетом. Названия вуза и образовательных программ приведены исключительно для указания предмета подготовки.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ · ВОПРОС С41 · ДЕМО

Популизм как идеология с разреженным центром

■ Теория

- термин ввёл К. Мудде, взяв понятие «тонкой идеологии» у М. Фридена (о национализме);
- определение Мудде: общество делится на «чистый народ» и «коррупцированную элиту», политика должна выражать их общую волю;
- «разреженность» — узкий набор понятий без цельной программы, отсюда идеология-«паразит»: справа сростается с национализмом, слева — с социализмом;
- Я.-В. Мюллер: ключевой признак не антиэлитарность, а антиплюрализм — претензия говорить от лица единственно подлинного народа.

■ Европейские кейсы

- левые: Podemos (Испания, с 2014 г.), СИРИЗА (победа 2015 г. → уступки ЕС → поражение на выборах июля 2019 г.), Движение пяти звёзд;
- правые: Вокс (прорыв 2019 г.), PVV, Vlaams Belang, N-VA — заполняют «вакуум» после сдвига старых партий к центру;
- Фидес (Орбан, до поражения на выборах 12.04.2026) и PiS (до потери власти в декабре 2023 г.) годами удерживали власть, апеллируя к «истинным» венграм и полякам, а не ко всей нации.

■ Латинская Америка

- У. Чавес (Венесуэла, президент 1999–2013 гг., ранее — попытка госпереворота 1992 г.): «социализм XXI века», каудильистский стиль правления;

- Э. Моралес (Боливия, с 2005 г.): национализация нефтегаза, поляризация полиэтнического общества.

■ Предпосылки и значение

- спусковой крючок — экономические кризисы (2008–2009 гг. в Южной Европе), ослабление партий и парламентов, эпоха «постправды»;
- тонкость идеологии объясняет живучесть популизма (легко встраивается в любой контекст) и его слабость у власти — нет позитивной программы, только критика статус-кво.

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Что значит «идеология с разреженным центром»

Понятие популизма как «идеологии с разреженным центром» (в англоязычной литературе — *thin-centred ideology*, буквально «тонкоцентрированная») принадлежит нидерландскому политологу Касу Мудде. Он определил популизм как идеологию, которая делит общество на две однородные и антагонистические группы — «чистый народ» и «коррупцированную элиту» — и утверждает, что политика должна быть выражением общей воли народа (*volonté générale*). Само понятие «тонкой идеологии» Мудде заимствовал у британского теоретика Майкла Фридена, который вводил его применительно к национализму: тонкие идеологии не дают всеохватных ответов на весь спектр социально-политических вопросов, как это делают «полноценные» идеологии вроде либерализма или социализма, а опираются на узкий, ограниченный набор ключевых понятий.

Практическое следствие этой узости — идеологическая «всеядность» популизма. Поскольку у него нет собственной развёрнутой программы по экономике, образованию, внешней политике и десяткам других вопросов, он почти всегда соединяется с какой-то более полной «идеологией-хозяином» (*host ideology*): на правом фланге — чаще всего с национализмом, на левом — с социализмом или радикальной эгалитарной риторикой. Именно поэтому один и тот же формальный признак — противопоставление народа элите — обнаруживается и у леворадикальных, и у праворадикальных партий, которые по всем остальным вопросам расходятся почти полностью.

■ Ключевые теоретические трактовки

Немецкий социолог Ральф Дарендорф одним из первых в начале 2000-х годов дал политико-психологический портрет современного популизма, назвав его одним из самых впечатляющих феноменов политического ландшафта рубежа веков и сравнив с вирусом, поражающим даже зрелые демократии. Дарендорф оспаривал трактовку популизма как прямого выражения «народной воли»: по его мнению, это прежде всего демагогический приём с широким набором риторических инструментов — от честной дискуссии до откровенного подстрекательства. Его афоризм «упрёк в популизме сам по себе может быть

популистским, демагогической заменой аргументов» стал одной из самых цитируемых формул в этой области.

Немецкий политолог Ян-Вернер Мюллер сместил акцент с антиэлитарности на антиплюрализм. По Мюллеру, решающий признак настоящего популиста — не просто критика элит (её высказывают и вполне демократические политики), а претензия на то, что именно он и его сторонники представляют единственно подлинный, гомогенно мыслимый народ. Такая позиция несовместима с демократией, которая по определению существует только в плюралистической форме: если популист прав, что представляет «весь народ», то все несогласные автоматически оказываются вне легитимного политического поля. Американский политолог Фрэнсис Фукуяма, соглашаясь с этой логикой, определял популизм как ярлык, которым элиты клеймят политику, поддерживаемую простыми гражданами, но неудобную истеблишменту, — то есть подчёркивал, что сам термин может использоваться как оружие в политической борьбе, а не только как нейтральная аналитическая категория.

В исследовательской литературе отмечается схожая закономерность: большинство популистских партий не располагают программами, охватывающими весь спектр политических вопросов, — вместо этого они концентрируют усилия на нескольких темах, вызывающих наибольший общественный антагонизм (миграция, безопасность, «свои» против «чужих»). Это наблюдение прямо иллюстрирует тезис о «разреженности»: у популизма нет позиции по большинству вопросов повестки, зато есть предельно чёткая, максимально упрощённая позиция по двум-трём резонансным темам.

■ Европейские кейсы: обе стороны спектра

Финансовый кризис 2008–2009 годов стал главным катализатором роста популистских партий в Южной Европе, особенно сильно ударив по Испании, Греции и Италии. В марте 2014 года в Испании оформилась партия «Подemos» («Мы можем»), выросшая из движения «возмущённых» (Indignados) и называвшая себя «настоящими левыми», борющимися за то, чтобы «при демократии всё решали люди». Праворадикальная «Вокс» («Голос») впервые успешно выступила на выборах 2019 года — обе партии заполнили один и тот же «идеологический вакуум», образовавшийся из-за сдвига традиционных испанских партий к центру, но с противоположных флангов.

Похожая динамика видна в Греции: «Коалиция радикальных левых» (СИРИЗА) выиграла выборы в январе 2015 года на антикризисной, антиистеблишментной программе, но уже через несколько месяцев была вынуждена пойти на уступки Европейскому союзу и проводить меры жёсткой экономии, которые прежде сама же критиковала. За смягчением радикализма во власти последовало воспроизведение прежних коррупционных и клиентелистских практик, а в июле 2019 года партия проиграла досрочные выборы. Этот случай — характерная иллюстрация общего механизма «разреженного центра»: узкая, «тонкая» протестная повестка плохо конвертируется в способность управлять

комплексной экономикой, требующей компромиссов, которые популизм по своей природе отвергает.

В Италии «Движение пяти звёзд» выступило с похожей риторикой заполнения вакуума после отдаления традиционных партий от избирателя. В Бельгии и Нидерландах «партии новой волны» — PVV, «Форум за демократию», Vlaams Belang, N-VA — возникли в последние десятилетия как реакция на то же смещение мейнстримных партий к идеологическому центру и размытие их программной базы в погоне за статусом «всеохватной партии» (catch-all party). Показательно, что все эти партии предлагали упрощённые решения насущных общественных проблем — именно так Фриден описывал тонкие идеологии: с узким, ограниченным набором ключевых понятий вместо развёрнутого охвата всей повестки.

Отдельный случай — страны Центральной и Восточной Европы, где популистские правительства не просто выигрывали отдельные выборы, а удерживали власть на протяжении многих лет. Венгерская партия «Фидес» во главе с Виктором Орбаном (у власти в 2010–2026 гг., поражение на выборах 12.04.2026 от партии «Тиса» Петера Мадьяра) и польская «Право и справедливость» (PiS, у власти в 2015–2023 гг., до потери большинства и прихода правительства Дональда Туска в декабре 2023 г.) строили риторику на противопоставлении «истинных» венгров или поляков остальному населению страны — то есть, по формулировке Мюллера, претендовали на представительство не всей нации, а только той её части, которую сами же и определяли как «настоящую». Опираясь на конституционное большинство, «Фидес» в 2010–2011 гг. внесла существенные поправки в конституцию Венгрии, ограничила полномочия Конституционного суда и распространила избирательное право на этнических венгров за пределами страны.

■ **Латиноамериканский популизм: та же логика на другой почве**

Латиноамериканский популизм демонстрирует, что «разреженный центр» одинаково хорошо сочетается и с левой, и с авторитарной риторикой вне европейского контекста. Наиболее радикальным примером стал режим Уго Чавеса в Венесуэле (президентство 1999–2013 годов, активная политическая карьера с попытки государственного переворота 1992 года), который провозгласил курс на «социализм XXI века» и трактовал демократию как «расширение пространства народного участия» в противовес традиционным представительным формам. Российский учёный Э. С. Дабагян характеризовал его правление как «социально ориентированный популистский режим с выраженными каудильистскими чертами» — то есть с сильной персонализацией власти вокруг фигуры лидера, напрямую общающегося с массами через голову институтов.

Эво Моралес, избранный президентом Боливии в 2005 году, стал первым президентом-индейцем в истории Латинской Америки. Его правительство провело национализацию нефтегазовой отрасли и аграрную реформу, которые, по оценке исследователей, «поляризовали полиэтническое боливийское

общество». Общая черта латиноамериканских левопопулистских лидеров этого поколения — образ «спасителя отечества» и «защитника бедноты», апелляция к ценностям прямой демократии и социальная демагогия, созвучная традиционному упованию широких слоёв населения региона на государство как на «подателя благ». Это ещё раз показывает механизм тонкой идеологии на практике: сам по себе антагонизм «народ против элиты» не содержит ни экономической программы, ни модели государственного устройства — они заимствуются из host-идеологии, в данном случае из леворадикального и антиимпериалистического дискурса.

■ Структурные предпосылки роста популизма

Кроме экономических кризисов, исследователи выделяют несколько устойчивых структурных факторов. Первый — трансформация традиционных партийных систем: ослабление партийной идентификации избирателей, сокращение численности массовых «народных» партий, рост электоральной волатильности. Второй — общее ослабление парламентов в послевоенный период, отчасти вызванное сознательным недоверием архитекторов послевоенного устройства Западной Европы к идее неограниченного народного суверенитета — опыт межвоенных десятилетий показал, что именно такой суверенитет мог прокладывать дорогу к тоталитаризму. Одновременно усиливались институты, члены которых не избираются напрямую народом, — центральные банки, конституционные суды, наднациональные органы Евросоюза, что создавало ощущение растущей дистанции между гражданами и принимаемыми решениями.

Третий фактор — развитие цифровых информационно-коммуникационных технологий, которые дали популистским лидерам новые и мощные ресурсы для прямой коммуникации с избирателями в обход традиционных медиа и партийных структур. Это совпало по времени с феноменом «постправды», наиболее ярко проявившимся в риторике президентской кампании Дональда Трампа в США середины 2010-х годов, но затронувшим и европейский контекст.

■ Итоги и значение

Определение популизма как «идеологии с разреженным центром» решает главную теоретическую проблему, которая долго мешала его последовательному изучению: объяснить, почему одно и то же явление обнаруживается у прямо противоположных политических сил — от леворадикальной СИРИЗА до праворадикального «Фидес». Ответ в том, что общим для них является не программа, а форма — тонкий, ограниченный набор понятий (народ, элита, общая воля), который сам по себе не даёт ответа на большинство политических вопросов и потому нуждается в «хозяйской» идеологии, придающей ему содержательное наполнение.

Эта же тонкость объясняет двойственную судьбу популистских движений у власти. С одной стороны, она обеспечивает высокую гибкость и живучесть: популизм способен встраиваться практически в любой национальный и идеологический контекст, от Южной Европы до Латинской Америки. С другой —

как показывает опыт СИРИЗА и, в другой мере, венесуэльского и боливийского популизма, отсутствие цельной позитивной программы становится проблемой именно тогда, когда движение получает реальные рычаги управления и должно не критиковать статус-кво, а предлагать работающие решения комплексных задач. Показательно, что наиболее устойчивыми на протяжении долгого времени оказались не столько чисто протестные партии, сколько те, что смогли соединить популистскую риторику с последовательной host-идеологией и институциональной стратегией удержания власти, как это происходило в Венгрии (2010–2026 гг.) и Польше (2015–2023 гг.) — хотя обе партии в итоге проиграли выборы и утратили власть, что само по себе показывает пределы такой стратегии.

Разговор о «разреженном центре» также помогает развести два часто смешиваемых вопроса — критику элит и антиплюрализм. Не всякая критика правящего класса популистична: значение имеет именно претензия говорить от лица единственно подлинного народа и отказ признавать легитимность иных позиций. Эта грань остаётся предметом продолжающейся научной дискуссии: часть исследователей указывает, что рост скептицизма избирателей в отношении партийного истеблишмента имеет и позитивную сторону — снижение конформизма и рост независимости политических суждений граждан, — а не сводит популизм только к угрозе институтам представительной демократии.

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «Сравнительная политология и методология политических исследований: кандидатский экзамен» — 50 вопросов перечня кафедры сравнительной политологии для испытания «кандидатский экзамен по специальной дисциплине» в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

**Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.**

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.